



Дикие звери
рассказ

Фликей Лена

Лена Фликей

Дикие Звери. Рассказ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68983596

SelfPub; 2023

Аннотация

Джулиан сбежал от проблем в леса Канады, живёт на ранчо и водит экскурсии. Его работа – показывать людям медведей в дикой природе. Он отдал этому делу всего себя. Но охотники с лицензией убивают животных, а Джулиан готов на всё, чтобы остановить их. Однажды всё заходит слишком далеко.

Содержание

Лена Фликей

Дикие Звери. Рассказ

Ночью выпал снег. Джулиан проснулся около трех и увидел, что комнату заливают зыбкий свет, подошел к окну, выглянул наружу. Все, что весеннее мартовское солнце отводило у зимы за последние пару дней, было укрыто пуховым покрывалом, и среди этого однообразия, узкой полоской, чернела река. Джулиан задумчиво поскреб небритую щеку кончиками пальцев, задернул шторы, вышел в коридор и надел пуховик. Идти наружу не хотелось, но выбора не было. Курц вчера так и не вернулся с прогулки, такое с ним случилось и Джулиан частенько оставлял старого друга за дверью на ночь, чтобы проучить, но только не под снегом. Густая шерсть отлично защищала его диких собратьев от холода, но Курц давно не был диким. К тому же, он лишь наполовину волк.

Джулиан распахнул дверь позвал волкособа, и почти сразу услышал его. Курц, чуть пригнув голову, мчался к хозяину, радостно размахивая хвостом.

– Иди в дом, черт гуляющий, – пробурчал Джулиан и отступил с прохода. Волкособ лишь на мгновение задержался у дверей, чтобы заглянуть ему в лицо, а потом влетел в коридор и, первым делом, рванул в сторону кухни.

– А ну стой! – приказал Джулиан.

Курц резко остановился и обернулся. Большие глаза опасно блестели в темноте, а серебряная шерсть на загривке встала торчком, но стоило поднять руку в успокаивающем жесте, как волкособ опустил голову и покорно улегся на пол.

– Ты останешься тут, до утра.

Джулиан сходил в уборную, вернулся в комнату и снова забрался под одеяло. До рассвета оставались чуть меньше четырех часов, и он намеревался проспать их самым честным образом, но тревожные раздумья не давали уснуть.

Выпавший так некстати снег помешает кровельным работам, а Джулиан намеревался закончить с ними уже завтра, ведь до приезда первой группы оставалось не так много времени. Еще и эти проклятые сосны в реке. Он хотел попилить их сегодня днем, но так не нашел времени, а теперь, когда выпал снег и все кругом влажное и такое скользкое, работать на реке опасно. Канализация в третьем домике тоже требовала починки. Труба чем-то забилась, и вода не сливалась. Возможно грязь и листья, или, что еще хуже, дохлый барсук. Судя по запаху – он и есть, в прошлую осень было настоящее нашествие, один из них вполне мог забиться в трубу и застрять.

Джулиан беспокойно перевернулся на другой бок, за дверь послышался стук когтей по деревянному полу и тихое сопение. Курц улавливал настроение хозяина и тоже не спал, скорее всего, лежал прямо под дверью, просунув нос в щель и принюхивался. Джулиан улыбнулся. Несмотря на грозный

вид и острые белоснежные клыки Курца в душе оставался все тем щенком, что и три года назад, когда Джулиан забрал его от матери и клал себе под бок ночью. Наверное, он и сейчас бы с удовольствием устроился у него в ногах, если бы не весил почти пятьдесят килограммов и Джулиан позволил ему такую наглость. Сонный разум Джулиана вернулся на семь лет назад, и он, словно наяву, увидел Курца щенком, запустил пальцы в его густую серебряную шерсть, уткнулся носом в по-детски округлый бок, втянув резкий звериный запах. Джулиан уснул и ему снились зеленые луга, поросшие клевером и мать-и-мачехой, звонкий щенячий лай разносился над округой, вспугивая бабочек и кузнечиков. Это был счастливый сон, а когда пришел рассвет, Джулиан пробудился полностью отдохнувшим.

Покормив Курца, Джулиан выпил чашку пустого кофе и, одевшись в рабочий комбинезон, вышел на улицу. Ночные облака рассеялись, небо – голубое, чистое, высокое – обещало отличный солнечный день. Градусник, закрепленный на деревянной колонне веранды, показывал плюс один. Через пару часов, когда солнце встанет из-за гор, температура еще поднимется и весна снова отвоюет свое. А пока он мог поработать в помещении. В пятом домике следовало прочистить каминный дымоход, в прошлом году постояльца жаловались, что он слишком дымит.

Приехавший к полудню Дэвид застал его за этой работой. Джулиан услышал шум двигателя старенького пикапа еще

задолго до того, как его друг вошел в домик тяжелой поступью великана и произнес свое фирменное:

– Добрых тебе дней и ночей, Джулиан.

– Привет, Дэв, – отозвался он и повернулся к другу. – Извини, что не протягиваю руки, но сам видишь. – Он продемонстрировал ладони, густо перепачканные в саже.

– Помощь нужна? – Дэвид подошел ближе, присел на корточки и развороченного камина и заглянул внутрь.

– Нет, я закончил. Нужно только собрать все как было, и можно ждать Розы чтобы промыть грязь.

– Когда она возвращается, – Дэвид поднялся и повел плечами.

Джулиан знал, друг давно и безнадежно влюблен в его сезонную экономку, но никак не решается пригласить ту на свидание. Несмотря на внешность викинга: рост под два метра, густую рыжую бороду, пронзительные синие глаза и богатырское телосложение, Дэвид совершенно терялся в присутствии противоположного пола и превращался в смущенного подростка.

– На следующей неделе придет, в воскресенье, – Джулиан взял с пола тряпку, вытер руки и потянулся за решеткой камина, которую снял, чтобы забраться внутрь. – Хочешь, приходи на ужин.

– Нет, я не стану обременять Розалин, – Дэвид отвел взгляд и уставился на аккуратно застеленные клеенкой кресла. – Она не обязана готовить еще и на меня.

– Мне кажется, ей это приятно, она считает тебя другом, – Джулиан приладил решетку, взял шуруповерт и принялся за работу. Дэвид еще недолго мялся рядом, а потом бросил:

– Подожду тебя в доме, – и вышел вон.

Закончив с камином, Джулиан кое-как смел мусор, забрал чемоданчик с инструментом и вышел на улицу. Солнце стояло в зените и мир купался в ласковом теплом свете. О ночном снеге не осталось даже воспоминаний. Темная земля то тут, то там, зеленела молодой травой, почки на деревьях сочились силой и жизнью, река, и без того бурная, резво шумела, огибая редкие отмели, а птицы заливались радостным пением. Джулиан с наслаждением втянул носом свежий пахнувший рекой воздух и увидел, как по дорожке к нему несется Курц. Видно Дэвид выпустил его, когда входил в дом. Потрепав волкособа по загривку, Джулиан пошел по дорожке к своему коттеджу. Курц крутился под ногами, пытался запрыгнуть на него лапами и повизгивал от радости.

– Хороший мальчик, хороший, – приговаривал Джулиан, стараясь не упасть через мохнатого друга. С появлением Курца Джулиану стало не так одиноко, ему следовало завести питомца с самого начала, когда он только приехал сюда, десять лет назад. Но Ева не любила собак, а он не хотел её расстраивать. За пять минут, что Джулиан шёл к дому, он успел в красках вспомнить тот первый счастливый год, когда Ева еще не ушла, и как обычно мысли эти опечалили его.

В доме пахло жареным беконом и кофе, и рот Джулиана

наполнился слюной. Он совсем забыл о завтраке, и теперь ощущал себя голодным как Курц. Волкособ отличался отменным аппетитом, и казалось, никогда не наедаясь досыта. Проходя мимо кухни, Джулиан заглянул в приоткрытую дверь. Дэвид возился у плиты, передвигаясь с удивительной ловкостью для его внушительных габаритов, на столе уже дымился кофейник и стояли две чистые тарелки.

– Смотрю, ты посуду мою помыл, – не удержался от улыбки Джулиан. – За это, спасибо, брат.

– А ты что же, ждал, пока она сама помоеется, – отозвался Дэвид, не поворачиваясь. Он взмахнул ножом и, разбив яйцо, вылил на сковороду.

– Ждал Розы, – честно признался Джулиан. – Ты же знаешь, я терпеть не могу воду.

Дэвид обернулся и поглядел на него с укором, но ничего не сказал. Яичница аппетитно шипела на сковороде, и живот Джулиана предательски заурчал, но прежде чем садиться за стол ему следовало смыть с себя сажу и копоть. Стоило Джулиану отойти от двери, как Курц попытался проскользнуть внутрь, но строгий окрик «место» остановил его. Волкособ, несмотря на своевольный характер, был отлично выдрессирован и слушался идеально, потому Джулиан, не опасаясь за их завтрак, пошел в спальню.

Мыться он не стал, лишь обтерся влажным полотенцем, переделся в чистый тренировочный костюм и вернулся на кухню. Яичница с беконом уже стыла на тарелках, а Дэвид

сидел с недовольным видом и поглядывал на дверь.

– Все остыло, чего ты так долго?

– Так начинал бы без меня, – пожал плечами Джулиан, уселся на свое место, налил кофе и сделал маленький глоток.

– Я так не могу, меня воспитывали джентльменом, – Дэвид взял вилку и принялся неторопливо есть, помогая себе ножом.

Любой, кто видел Дэвида за столом, обычно замирал с открытым ртом, так не вязались аристократичные манеры с образом этого великана, но он, и правда, был настоящим джентльменом, прибывшим в британскую Колумбию прямоком из туманного Альбиона. Джулиан тоже в свое время попался на эту удочку, приняв Дэвида за отъявленного головореза и лишь позже узнал, что тот выпускник Харроу и Итона, интеллекуал и приятнейший собеседник. Как и сам Джулиан, его друг скрылся в лесах Канады, оставив карьеру клерка, что, впрочем, при его складе характера было правильным решением.

Ели молча, но Джулиан понимал: столь неожиданный визит друга означает только одно, у Дэвида дурные вести и молчит он лишь потому, что не привык сообщать новости на пустой желудок. Закончив с яичницей Дэвид налил кофе и покосился на Джулиана.

– Курить хочется, – сказал он, похлопав себя по карману рубашки, где неизменно лежала пачка сигарет.

– Так иди на веранду, я тут пока все приберу, – отозвался

Джулиан и, поднявшись, принялся собирать посуду.

Дэвид вышел наружу. Джулиан в окно кухни видел, как тот усаживается на плетеное кресло, прикуривает от зажигалки и глубоко затаившись, выпускает вверх струйку синего дыма. Сзади послышался цокот когтей о доски пола – в кухню заглянул Курц.

– Есть хочешь? – спросил Джулиан, обернувшись и хвост волкособа, застучал об пол. – Идем, дам тебе корма.

Насыпав полную миску еды, Джулиан вытер руки и штаны и вышел на улицу. Дэвид докурил и теперь неторопливо пил кофе, поглядывая на реку. Даже досюда доносился мерный шум воды, разбивающейся о камни. Джулиан вспомнил о поломанных соснах, застрявших у берега, и поморщился. Если не убрать их, то образуется плотина и его участок может подтопить. Тяжело вздохнув, Джулиан опустился на соседнее кресло рядом с другом и тоже поглядел на реку.

– Ночью был снег, – сказал он, не поворачиваясь и, сцепив ладони, сложил их поверх живота.

– Знаю, перевал занесло, Лэнс утром поехал туда на своем «Джон Дире», расчищать дорогу.

– Как там его жена? – Джулиан покосился на друга, тот пожал плечами в ответ и сделал большой глоток. Послышался скрип двери, на веранду осторожно вышел Курц, и нерешительно замер, уставившись на хозяина.

– Иди, гуляй, можно, – махнул Джулиан рукой и волкособ тут же сорвался с места и скрылся за домом.

– Не боишься, что он когда-нибудь не вернется? – Дэвид проводил волкособа долгим внимательным взглядом. – Найдет самку, заведет потомство.

– Звери не предают друзей, в отличие от людей, – ответил Джулиан и, поймав изумленный взгляд друга, добавил: – Я не про тебя, Ева вспомнилась.

– Ну, она женщина, ей тут было непросто, – Дэвид обвел рукой окрестности. – Мало женщин, которые согласятся на такую жизнь, Джул, сам же понимаешь.

– Розы, мне кажется, была бы не против, – лукаво улыбнулся Джулиан. – Особенно если бы кто-то предложил.

– Может и ты и прав, – Дэвид умолк и допил остатки кофе, поставил кружку на пол, снова достал сигарету и прикурил.

Ветра совсем не было, и белый дым от сигареты поднимался вертикально вверх, рассеиваясь под крышей веранды. Джулиан следил за ним меланхоличным взглядом, и воспоминания о прошлом, одно за другим, проходили перед его мысленным взором. Плотно забитые комнаты для курения в офисном небоскребе, горький вкус табака на губах, бесконечная бумажная волокита и ощущение собственной беспомощности – таким было его прошлое. Джулиан не курил долгих десять лет, с того самого дня как перебрался на это ранчо в горах британской Колумбии. Сначала из соображений экономии – денег вечно ни на что не хватало – а потом, когда туристы стали приносить нормальный доход, решил: глупо возвращаться к дурным привычкам. Когда он покинул мир

ему было только тридцать три, но он ощущал себя на шестьдесят. Сидячий образ жизни, постоянные стрессы, никотин, алкоголь, недосып. За эти десять лет он набрал пятнадцать килограмм чистых мышц и стал ощущать себя по-настоящему сильным, и ни за что не промял бы это на, пускай и прибыльную, но раздражающую работу офисного клерка. Да, у него и сейчас хватало забот, но теперь Джулиан знал, ради чего он все это делает. Он скучал по Еве, но все равно не стал бы ничего менять.

– Если бы у тебя была возможность вернуться назад, ты бы выбрал такую жизнь, Дэв? – спросил он, покосившись на друга.

Дэвид задумчиво приподнял брови, затянулся, выпустил дым в потолок и лишь после ответил:

– Не думаю, что стал бы что-то менять, мне здесь все нравится. А тебе?

– Почти все, – кивнул Джулиан.

– Кроме охоты? – Дэвид повернулся к нему и чуть сощурился.

– Кроме охоты, – эхом повторил Джулиан и ощутил, как потяжелело на сердце.

Охота на медведей в буше¹ была его болью. Это мешало бизнесу: охотники пугали зверей, и они сторонились человека, а Джулиан зарабатывал именно тем, что проводил

¹ Буш (англ. Bush, рус. кусты, кустарник) – обширные неосвоенные человеком пространства, обычно поросшие кустарником или низкорослыми деревьями.

пешие сафари. В окрестных горах водились лоси, косули, волки, рыси, но главное медведи: гризли и барибалы. Грозные хищники, наводившие ужас на людей прошлого, оказались совершенно беззащитны перед современным человеком с огнестрельным оружием и лицензией, которую продавали любому желающему меньше чем за сто долларов. Джулиан писал письма, обращался к «зеленым», звонил на радио, телевидение, пытаясь достучаться до людей – но всё тщетно. Охота продолжалась, звери умирали, а туристы теряли интерес к его сафари – кому понравится таскаться по лесу несколько часов и так никого и не встретить?

– Если бы эти бараны в правительстве умели считать, то они давно бы запретили охоту. – Джулиан усилием воли расцепил сжавшиеся в кулаки ладони.

Система, костная и полная несправедливости, от которой он сбежал десять лет назад, нашла его даже здесь, в дикой канадской глуши. Прошлой осенью, после того случая, когда он сорвался и попал на скамью подсудимых, Джулиан говорил со многими. Тогда он и узнал, что стоимость лицензии на отстрел медведей даже не покрывает расходы правительства на регулирование охоты, а значит налоги, которые он честно платил со своего ранчо десять долгих лет, идут на то, чтобы кто-то мог убивать животных.

– Знаю, Джул, – Дэвид пару мгновений глядел прямо на него, а потом опустил взгляд, и произнёс: – Я вчера был в баре в поселке и видел кое-кого. Тебе это не понравится, брат,

но Винс вернулся.

Пальцы снова сжались в кулаки, а к горлу подкатила волна жгучей ярости.

– Да чтоб его, – прошипел Джулиан и рывком поднялся. Ярость овладевала его телом, и он ощутил давно забытое удушье, сердце колотилось в груди, а перед глазами заплясали черные точки.

Винсент Морро – тот человек, из-за которого он едва не попал в тюрьму, беспринципная сволочь и садист, упивающийся болью и страданием. Ублюдок, убивающий ради удовольствия, а не трофеев. Всю зиму о нём не было слышно, и Джулиан решил, что ему удалось напугать мерзавца, пускай и такой высокой ценой, но видно он ошибся. Сломанный нос и трещина в ребре, за которую Джул заплатил Морро, кругленькую сумму его не остановили.

– Дьявол! Нужно было отделать его покрепче, – он приглушённо зарычал и принялся мерять шагами веранду. – Чертово правительство, Дэв! Если бы сезон охоты не продлили, этот козел остался бы в Ванкувере и носа не сунул в буш. Как же это бесит!

– Если бы ты покалечил его, штрафом бы не отделался, Джул, – Дэвид поднялся, подошёл вплотную и подложил широкую ладонь ему на плечо.

Он него пахло табаком и терпким мужским лосьоном, точно таким же, как в тот вечер, когда он бросился разнимать драку и оттащил его от распластавшегося на полу бара Вин-

сента. Друг был прав, ему не следовало терять контроль, ведь Джулиан покинул цивилизацию именно потому, что хотел избавиться от вспышек гнева и не попасть в неприятности.

– Я сбежал из привычного мира в эту глухомань, надеясь, что здесь не будет грязной политики и худших сторон человеческой природы, но оказывается, где бы ты ни был – от мрака не скрыться, – ярость медленно утихала и Джулиан, как и всегда после приступа, ощутил пустоту.

– Но, ты же сам знаешь: мраком не победить мрак, – отозвался Дэвид. – Не нужно действовать методами Винса, решим всё законно.

– Законно?! – он всплеснул руками. – Да эти законники кому угодно печень выключают. Сколько уже было писем, прошений, заседаний! И что изменилось?! Правительство снова продлило сезон, а звери уходят всё дальше. Еще восемь лет назад тут было столько медведей, что не нужно было отходить от ранчо и на сто метров, чтобы их повстречать, а сейчас, я вожу туристов до заброшенной дороги в горах, в двух днях пешего пути и мы не всегда находим хотя бы одного гризли. Как сам думаешь, долго я продержусь с таким бизнесом?!

– Никто и не говорил, что будет легко, – Дэвид убрал руку с его плеча. – Но если мы станем и дальше поступать разумно, то победим. Мы добьемся запрета охоты, что бы это нам не стоило! Помнишь, что ты мне сам говорил: «Это станет нашим наследием».

– Это было до того, как я узнал о том пари, – Джул горько усмехнулся, и устало потер виски пальцами. Нужно принять таблетку аспирина, прежде чем идти на реку, иначе боль доконает, и он так ничего и не успеет до вечера. – Зачем он вернулся, Дэв? Неужели хочет закончить начатое? Убить свою сотню?

– Он бы не сказал, даже если бы я спросил напрямую, – Дэвид задумчиво смотрел на реку. – Винс прекрасно понимает: тогда, в баре, я спасал вовсе не его, а тебя.

Некоторое время они молча стояли плечом к плечу, думая каждый о своём. В рощице за домом многоголосым хором надрывались птицы, шумела река, а у реки Курц рыл что-то в земле с остервенением заключённого, жаждущего выкопать тоннель на волю.

– Поможешь мне попилить топляк? – Джулиан повернулся к другу.

– Разумеется, брат, – улыбка осветила лицо Дэвида. Джулиан улыбнулся в ответ и подумал, что в этом сезоне обязательно устроит другу свидание с Рози, нельзя чтобы такой славный парень пропал без женщины.

В следующие пару недель у Джулиана не было времени чтобы размышлять о Винсе – он целиком погрузился в рутину. Обычно в начале сезона он нанимал помощника из местных, одному на ранчо справиться было сложно, но после выплаты всех штрафов за драку приходилось потуже затяги-

вать пояс. К тому моменту, когда приехала первая группа, Джулиан ощущал себя выжатым как лимон, но не мог позволить себе раскисать, потому натянул улыбку и принялся за привычную работу. Группа оказалась крайне неоднородной: жилистый как борзая собака студент-биолог Николас жадный до знаний; две американки Синди и Ирэн, явно отправившиеся в глушь за острыми ощущениями; и угрюмый писатель средних лет, Шон, собирающий материал для новой книги. Все они прибыли на микроавтобусе, который Джулиан нанимал в ближайшем поселке и, как и те кто приезжал до них, с восторгом разглядывали ранчо, деревянные домики, уютно разместившиеся на берегу, восхищались воздухом, простором, видами и фотографировали каждый камушек на речном берегу, словно он был достопримечательностью.

К вечеру, когда Джулиан уже валился с ног от усталости, приехал Дэвид. Джулиан ничего ему не говорил, но друг знал, что без помощника туго и потому сам вызвался устроить вечерний костер с традиционным запечённым зефиром, занял туристов местными историями, которые рассказывал особенно живо и даже любезничал с женщинами, чего за ним никогда не водилось. Наутро был назначен сплав на байдарках – одно из главных развлечений этого места – и Джулиан объявил отбой. Проводив всех гостей по их коттеджам, Джулиан отыскал Дэвида. Тот по-прежнему сидел перед догорающим костром, рассеяно ковыряя длинной палкой в си-

зых углях. В высоком темном небе перемигивались высокие серебряные звезды, а из-за горы поднималась луна, еще не полная, но достаточная, чтобы в её свете передвигаться без фонаря.

– Спасибо, Дэв, твоя помощь неоценима.

– Да, брось, – отмахнулся тот и отшвырнул палку. – Сам ведь знаешь, что мне приятно бывать здесь, и вовсе не из-за твоей небритой рожи.

– Пригласи её пообедать, Роза давно догадывается о твоей симпатии и будет рада выбраться с ранчо.

– Куда? В бар Ника, где всё провоняло кислым пивом, а из еды только арахис да картошка фри или в закусочную у дороги, куда дальнбойщики водят местных шлюх, перед тем как трахнуть их в своих грузовиках? – Дэвид усмехнулся в бороду.

– Да какая разница, Дэвид? Если действительно хочешь эту женщину, то станешь искать возможности, а не причины. – Джулиан привычным движением прихлопнул комара, присевшего на незащищенную шею. – В конце концов, чего ты боишься?

– Давай сменим тему, – Дэвид раздражённо дернул плечом. – Позволь мне самому разобраться со своей личной жизнью. Я приехал помочь, а не слушать лекции.

– Как скажешь, – Джулиан миролюбиво поднял руки.

– Завтра я выходной и могу, если хочешь, быть вторым инструктором на сплаве.

– Было бы замечательно, вдвоем легче, группа неподготовленная и я опасаюсь за них. Особенно две подружки из Нью-Йорка, кажется, они не понимают, что здесь далеко не курорт.

– Что же, – Дэвид улыбнулся, сверкнув белыми зубами в темноте. – Беру девчонок на себя, а теперь накорми меня да давай спать, если я правильно помню твой распорядок – в пять утра ты уже будешь на ногах.

Джулиан согласно кивнул и поднялся.

– Идём, с ужина осталось холодное мясо и салат. Ляжешь в доме, в гостевой комнате. Курц будет в восторге.

Следующий день промелькнул словно вспышка и, если бы не Дэвид, вряд ли Джулиан, лежа в кровати, вспоминал его события с улыбкой. После сплава группа, как обычно и бывало, сплотилась и напряжённость между ними растаяла как утренний туман в лучах весеннего солнца. Осмелев, гости принялись задавать Джулиану обычные вопросы: каково жить здесь одному круглый год, много ли выпадает снега в горах, не опасно ли когда вокруг бродят дикие звери, а до ближайшей больницы нужно лететь час на вертолёте. Он уже привык и отвечал механически, каждый год приезжали люди и каждый год спрашивали одно и то же. Но главным вопросом всегда оставалось: «Когда мы увидим медведей?», а вот отвечать на него каждый год становилось всё труднее.

– Завтра мы, как я и обещал, отправляемся в горы. Это будет легкий пеший поход на две ночи, и я очень надеюсь,

что из него все вы принесёте только положительные эмоции, яркие снимки и незабываемые воспоминания, – расплывчато ответил он. Группа, как вчера, расположилась вокруг костра, перед тем как все отправятся спать.

– А ваша собачка пойдёт с нами? – спросила одна из подружек – милостивая блондинка Ирэн. Сегодня Джулиан узнал, что обе работают в банке и как он и предполагал, отправились сюда в поисках острых ощущений.

– Нет, ему в горы нельзя, – покачал головой Джулиан, чем вызвал разочарованные возгласы.

Курц завоевал безусловную любовь группы, ведь, несмотря на грозный вид, и пятьдесят килограммов чистого веса, в душе оставался дружелюбным и ласковым щенком, который только и ждал, когда кто-то почешет за ухом.

– Но почему? – вторая подружка, Синди, кареглазая шатенка вопросительно взглянула на него, чуть наклонив голову к плечу.

– Он будет волноваться из-за медведей. В дикой природе волки и медведи виды, которые редко соприкасаются. Волки животные стайные и охотятся сообща, а медведь, чаще всего, одиночка, но при этом смелый, хитрый и умелый хищник.

– А кто победит, если они сцепятся? – спросила Ирэн.

– Это зависит от множества факторов, но такая ситуация скорее редкость, чем норма. Им незачем убивать друг друга, у них разная кормовая база – вступил в беседу Николас, студент-биолог. – Правильно же, Джулиан?

– Всё верно, но я расскажу вам об этом завтра, а сейчас идемте спать, подъем ранний, выходим в пять утра.

Несмотря на конец апреля, ночью случались заморозки, а утром долину укрывал плотный, точно пар от бульона, туман. Гости выглядели сонными и недовольными, и даже горячий завтрак, который подала Роза, не поднял им настроение. Прежде чем выйти, Джулиан еще раз повторил правила: не отходить далеко от группы, смотреть под ноги, избегать лавинных склонов, в горах громко не разговаривать, выполнять все его указания, а при встрече с медведем, ни в коем случае не паниковать и не бросаться бежать. Пока он проверял снаряжение группы, сложенное на поляне перед домиками, Курц возбужденно кружил вокруг и упорно тыкался ему в колени мокрым носом.

– Нет, приятель, ты останешься, дома с Розой, – Джулиан потрепал друга по мохнатому боку, но тот извернулся и лизнул его в ладонь. – Фу, Курц, ты же наполовину волк, ну что за щенячьи нежности?! – Джулиан брезгливо вытер влажную руку о штанину. – Идём в дом, дам тебе корма.

Но волкособ был слишком умен, чтобы повестись на такую примитивную уловку. Вместо того чтобы последовать за Джулианом на крыльцо он отбежал подальше и лукаво глядел на хозяина и не реагировал на команды. Полчаса Джулиан тщетно пытался поймать питомца бегая вокруг дома под насмешливыми взглядами группы, которая уже явилась к точке сбора. Время шло, солнце поднималось выше, а они

всё еще не выдвинулись и это страшно бесило. Наконец, чудом удалось схватить сорванца за загривок и буквально силой оттащить в дом.

– Привяжи его пока мы не уйдём подальше, он какой-то невменяемый, – зло бросил Джулиан Розалин и, проигнорировав попытки Курца подластиться, стремительно вышел наружу.

Сразу за ранчо начиналась грунтовая дорога, извилистой лентой поднимающаяся на холмы, за которыми начинался буш. Джулиан ходил здесь так часто, что мог бы водить экскурсии даже с закрытыми глазами. Обычно туристы вяло слушали рассказы о климате, растениях и особенностях ландшафта, их больше интересовали медведи и все вопросы, так или иначе, касались гризли. В этот раз вышло иначе, студент-биолог Николас не просто слышал, но и задавал сотни вопросов, ответы на которые Джулиан, к своему стыду не всегда знал. Его интерес подхватили и другие участники и, вместо того чтобы быстро миновать равнину, они еле тащились по ней останавливаясь у каждого дерева чтобы послушать пение птиц, или рассмотреть наросты на коре.

Планы Джулиана рушились на глазах. К обеду они не прошли и половины запланированного маршрута и устроили привал прямо среди деревьев, на берегу реки. Он сердился, но вида не показывал, оставаясь неизменно любезным.

– Ты сказал вчера, что переехал в Канаду десять лет назад, верно? – угрюмый писатель, был единственным из группы

кого больше интересовали люди, чем природа. Джулиан согласно кивнул, пытаясь понять, к чему он клонит. – И сразу же купил ранчо?

– Не совсем так, Шон, но всё случилось довольно быстро. А почему ты спрашиваешь?

– Но ведь, до этого ты жил в городе, верно?

– В пригороде Лондона, – согласился Джулиан, всё ещё не понимая к чему эти вопросы.

– Так ли просто было тебе, городскому человеку, привыкшему к удобствам поселиться тут, в глуши и в одиночку обустроить ранчо?

– Конечно, нет, – улыбнулся Джулиан. – Первое время я чувствовал себя растерянным и совершенно не знал, что нужно делать. Здесь, – он обвел рукой обступающие их листовницы. – Нельзя схалтурить, нужно всё делать, как следует, а иначе просто не выживешь. Не получится заказать пиццу на дом, когда лень готовить, или вызвать сантехника, если засорился слив. В глуши можно полагаться только на себя и, в конце концов, понимаешь, ты настолько хорош, насколько можешь показать себя в этих условиях.

Шон слушал внимательно, покусывая обветренные губы, а когда Джулиан закончил снова спросил:

– Я хочу понять, что чувствует человек, который внезапно лишается привычного круга общения и остается один не один с собой? Мой герой попадает на необитаемый остров и мне очень важно правильно передать его чувства и стра-

хи, понимаешь? У тебя никогда не было желания напиться или не знаю, причинить себе вред? Насколько просто привыкнуть к одиночеству, неужели оно не мучительно для человека?

– Строго говоря, в первый год я был тут не один, а со временем успел обзавестись знакомыми и никогда не чувствовал себя одиноко. – Джулиан постарался чтобы это прозвучало убедительно, хотя и слова всколыхнули словно ил со дна, поблёкшую от времени тоску по Еве.

Наверное, не будь Дэвида, Джулиан тогда сдался бы, бросил всё, продал землю за бесценок и вернулся в Лондон. Ему явно не хватало здравомыслия чтобы понять – купив ранчо в кредит, он рискнул всем и отступать некуда, но рассудительный друг смог достучаться и убедить не принимать поспешных решений.

– У тебя был деловой партнер? – Синди пристально смотрела на него своими темными, точно две маслины, глазами. – И куда он делался? Сбежал?

– Какая сейчас разница, – он дернул плечом, точно желая стряхнуть прошлое. – Сейчас не стоит тратить время на пустые разговоры, друзья, мы итак немного отстаём от графика.

Они перешли реку по деревянному мосту, двигаясь гуськом друг за другом, и углубились в буш. Подъем становился всё круче и вскоре, к радости Джулиана разговоры прекратились – теперь от людей требовалась вся их сосредото-

ченность. Джулиан вёл группу параллельно реке, и её глухое урчание сопровождало их на всём пути. Миновав первый подъем, они вышли на плато и двинулись по старой дороге, которой раньше пользовались лесорубы. Пошёл мелкий холодный дождик, и общее настроение из приподнятого постепенно становилось мрачным.

– А когда будут медведи? – капризно спросила Ирэн.

Джулиан собирался ответить что-то расплывчатое, и даже уже набрал воздуха в грудь, когда увидел на обочине дороги приметную кучу помёта и, указав на неё, сказал:

– Прямо сейчас, Ирэн, гляди.

– Ого, это что, медвежье дерьмо? – воскликнула девушка и её, без того широко распахнутые глаза, сделались еще больше.

– Да, именно так, – Джулиан подошёл ближе, присел на корточки и прикоснулся к помету пальцем – он был еще тёплым.

– Фу, Джулиан, ты, что потрогал дерьмо? – Синди скривила лицо, её высокий звонкий голос разнесся над долиной.

– Это верный способ определить давно ли зверь проходил в этих местах, – Николас присел рядом и тоже сунул палец в кучу. – Эти экскременты еще теплые, а значит медведь где-то рядом, верно?

– Всё так, – Джулиан поднялся, обтер пальцы о штанину. – А потому давайте вспомним правила: никто не кричит, не размахивает руками и не пытается бегать или, упасти Бог,

приближаться к зверю.

Он скинул рюкзак, вытащил бинокль и оглядел окрестности. Медведь наверняка спрятался среди кустарников, ведь они так шумели, и это могло напугать зверя.

– А какой это медведь, гризли или чёрный? – зашипела Ирэн ему прямо в ухо. – По какашкам это можно понять?

– Не всегда, – Джулиан опустил бинокль и чуть отступил, близость постороннего человека его нервировала. – Куча небольшая и это, может быть, как молодой барибал, так и гризли.

– Вон он, смотрите! – Николас вскинул руку, указывая на черную тень в кустах. – Маленький совсем.

– Не делай резких движений, – зашипел Джулиан. – Они это не любят.

– Срань господня, это же настоящий медведь, – ахнул Шон, прижимая руки к лицу, точно ребёнок. – А он на нас не набросится?

– Нет, вопреки распространённому мнению медведи не столь агрессивны и им незачем нападать на человека, особенно если мы не проявляем открытой вражды.

Джулиан поднял бинокль и внимательно следил за мишкой. Тот явно был встревожен и поглядывал в их сторону с опаской, а потом и вообще двинулся в противоположном направлении, скрываясь среди кустарника. Совсем молодой барибал, не старше двух лет.

– Он что, сваливает? – зашептала Синди.

– Да, ему не очень нравится наше соседство, – Джулиан повесил бинокль на шею и тяжело вздохнул. – Он нас побаивается, потому и ушёл.

– Но почему, разве мы на него нападали? – Николас разочарованно смотрел на заросли, скрывающие барибала.

– Мы нет, но охотники приучили зверей прятаться от людей, и большой успех что мы повстречали этого парня так низко.

– А разве охота в этих лесах не запрещена? – удивилась Синди.

– Увы, нет, – Джулиан закинул рюкзак на спину и отвернулся, им незачем было видеть его гнев. – Идемте, нам еще нужно успеть выйти к месту ночёвки дотемна.

Они разбили лагерь подальше от обрыва, расчистив площадку от крупных камней и поломанных веток, из которых сложили костер. Нехитрый ужин состоял из жареных над огнём сосисок, бобов из банки и травяного чая. Усталые после долгого перехода и осоловелые после горячей еды люди почти не разговаривали, лишь Николас, задумчиво поглядывая на упаковку от сосисок спросил:

– А мы не привлечём диких зверей запахами пищи?

– Можем, – кивнул Джулиан. – Потому прежде чем я пойду спать, уберу тут всё и тщательно упакую мусор. А вы можете ложиться, завтра у нас большой переход.

Уговаривать никого не пришлось, все охотно разбрелись по палаткам и затихли. Джулиан потушил костер, убрал всё

с поляны, проверил периметр и бросив привычный взгляд на усыпанное звездами небо, обещающее хорошую погоду на завтра, отправился спать. Уснул он моментально, но спал недолго. Его разбудил шорох. Джулиан прислушался. Кто-то крадучись приближался к его палатке. Медведь? Вряд ли, он не стал бы красться. Лисица? Или может горная кошка? Он беззвучно выскользнул из спальника, наощупь нашёл фонарик и потянулся к молнии, закрывающей вход. Он явно слышал тяжелое дыхание и шаги. Человеческие шаги, не было никакого сомнения. Но кто мог забраться в такую даль, ведь в округе не было ни одного поселения? Неужели охотники? А что если Винсент решил отомстить за унижение и выследил его? Сердце ускорило ритм, и кровь гулко стучала в ушах. Он вышел безоружный, единственный перочинный нож годился лишь на то, чтобы нарезать хлеб. Всё же он нашарил его и открыл зубами. В животе всё сжалось, и по спине прошла волна обжигающего холода, предвестники панической атаки. Прошло больше десяти лет с последней, но Джулиан не забыл это чувство оупляющего ужаса, от которого сводило судорогой челюсти, а мысли превращались в вязкий кисель. Палатка дернулась, послышалось приглушённое чертыханье. Джулиан рывком распахнул молнию и выскочил наружу, одновременно включив фонарь.

Наверное, вид у него был более чем безумный: всклокоченный, с фонарем в одной и ножом в другой. Синди, а это оказалась она, взвизгнула и отшатнулась.

– Какого чёрта ты здесь делаешь? – яростно зашептал он.

Сердце, подгоняемое вплеснувшимся в кровь адреналином, билось где-то в районе горла. Только сейчас он понял, что девушка облачена в кружевной пеньюар на тонких бретелях, едва скрывающий налитую грудь и крепкие загорелые бедра.

– Я замерзла и подумала, что ты мог бы... – она попыталась улыбнуться, но вышла кривая усмешка, да и та мгновенно потухла, встретившись с его холодным взглядом.

– Иди спать, – он опустил нож и устало выдохнул.

– Но ведь мы теперь всё равно не уснем, и может тогда? – она вопросительно приподняла брови, а потом кокетливо повела плечом, и тоненькая бретелька соскользнула, обещая большее, стоит только протянуть руку.

– Нет, это исключено, – металлом в его тоне можно было порезаться, но Синди не сдавалась.

– Никаких обязательств, Джулиан. Просто ты понравился мне, и я хотела бы доставить тебе удовольствие, – она томно облизнула губы, провела руками по бедрам. – Я и ты, только этой ночью, я никому ничего не скажу, обещаю.

Он против воли окинул взглядом её соблазнительные формы, ощущая, как в паху отяжелело. После отъезда Евы Джулиан не стал монахом и иногда встречался с женщинами, но уединенный образ жизни не позволял делать это слишком часто и уж тем более завести постоянную подружку.

Синди шагнула ближе, мягко коснулась его плеча:

– Пойдем в твою палатку, здесь холодно.

От неё резко пахло духами и немного потом. Привлекательная, выносливая и без сомнения горячая. С ней можно весело провести время, но подобное было не в стиле Джулиана. Может его принципы устарели, но телесная близость всегда была для него логичным продолжением близости духовной, а не наоборот.

– Иди спать, – повторил он и движением плеча сбросил её руку. – Завтра большой день. Мне не нужно чтобы ты кледала носом и попала в неприятности.

Её лицо дрогнуло, губы сжались в узкую линию.

– Жалкий импотент! – зло бросила она и, резко развернувшись, зашагала к своей палатке, темной тенью возвышающееся на краю поляны.

Джулиан выключил фонарь и раздражённо покачав головой, полез спать. Он понимал: этот инцидент усложнит завтрашний день, но знал, что справится с этим, как справлялся со всем остальным.

Он заметил помет первым и поднял руку, сигнализируя группе чтобы остановились. Куча была огромной, но к сожалению, ледяной, видно лежала тут с ночи.

– Смотрите, – он указал на четкие следы на земле. – Это гризли, крупный. Он прошёл здесь ночью и двинулся туда, – Джулиан пошёл по следу до зарослей колючего можжевельника. На нижней ветке висел клочок коричневой шерсти, а ря-

дом валялись несколько вырванных с корнем пожёванных цветов дикой лилии. Группа следовала за ним, на удивление притихшая.

– Мы его увидим? – Шон наклонился и, сняв клочок шерсти с ветки показал остальным. – Пойдём по следу, как охотники?

– Нет, мы не охотники и не станем его преследовать, – это прозвучало слишком уж резко, Шон удивленно поглядел на него, но промолчал.

– Там внизу какая-то машина, – подала голос Синди, кажется, это была первая фраза, которую она произнесла за весь день. До этого девушка явно выказывала ему своё презрение и демонстративно отводила взгляд, когда он смотрел на неё. Сейчас она стояла на самом краю обрыва, наплевав на правила безопасности, которые он повторил перед выходом и, прикрыв рукой глаза от солнца, смотрела вниз.

Джулиан подошёл, встал рядом и вытащил бинокль.

– Я хочу спуститься к ним и попросить подвезти меня до города! – с вызовом сказала Синди. – Мне надоело таскаться пешком, я хочу принять горячую ванну и поесть нормальной еды.

Джулиан промолчал, разглядывая мощный пикап. Форд «Раптор» белого цвета. Он попытался прочесть номер, но тот стоял боком, и это оказалось невозможно.

– Это рейнджеры? – предположила Ирэн.

– Нет, скорее охотники. Вряд ли мы сегодня увидим хоть

одного медведя, – Джулиан опустил бинокль. – Зверь уходит, когда они тут.

– Тем более, – в голосе Синди послышалось негодование. – Проводи меня вниз. Они наверняка не откажутся подвезти меня до поселка.

Джулиан рассеяно смотрел на неё, размышляя, может и правда отправить её назад и разом избавиться от проблемы, но ведь тогда другие могут решить, что он спасовал перед капризной девчонкой.

– Синди, что на тебя нашло? – Ирэн с изумлением глядела на подругу. – Здесь ведь так красиво, к тому же, мы еще не сделали фотосессию в горах, как собирались.

– Я хочу назад! – упрямо повторила девушка, выставив вперед подбородок. – Мне тут не нравится! И я не хочу больше этой гребаной природы.

– Пфф, женщины, вечно с ними так, – Николас осуждающе покачал головой. – Чуть какие сложности сразу простятся на ручки.

– Это, между прочим, сексизм! – Синди покраснела и с негодованием глядела на юношу. – Ты оскорбил меня.

– Это правда, а правда – не оскорбление, – Николас развел ладони.

– Да я... да я... – Синди захлебывалась от гнева.

– Тихо все! – прикрикнул Джулиан, и группа испуганно поглядела на него, он окинул их хмурым взглядом и закончил уже спокойно: – Нам нужно идти дальше, за тем холмом

перевал и там устроим привал, а потом начнём спуск в долину.

– Я никуда с тобой не пойду! – Синди уперла руки в бока, теперь её гнев был направлен на Джулиана. – Если отказываешься меня провожать, то я пойду одна и попрошу тех ребят подвезти меня до ближайшего поселка.

– Нет, это исключено, – он намеренно говорил мягко, точно с капризным ребенком. – Спуск здесь невозможен, это южный склон и по нему нельзя ходить без специального снаряжения.

– Что за бред, – она низко склонилась над обрывом и указала куда-то пальцем. – Вот же тропа, разве не видно?

– Это не тропа, это место схода воды, я бы не стал ходить здесь без особой необходимости.

– Вот и не ходи, а я пойду! – она сбросила рюкзак, резко развернулась и пошла прочь.

– Синди, куда ты? – Ирэн попыталась поймать подругу за рукав куртки, но та ловко увернулась.

– Твою-то мать! – глухо выругался Джулиан.

– Да пускай идёт куда хочет, – Шон покрутил пальцем у виска. – Психованная.

– Нет, так нельзя, – Джулиан тоже скинул рюкзак на землю. – Ждите здесь, я скоро вернусь.

Ирэн увязалась было за ним, но Джулиан уговорил её остаться с группой, а пока он это делал, Синди скрылась за деревьями, и он потерял её из виду. Вспомнив что девушка

сказала насчёт спуска, он поглядел вниз и точно, увидел тоненькую фигурку, стремительно спускающуюся вниз по присыпанному мелкими камнями водосливу.

– Синди, стой, там опасно! – крикнул он, но девушка даже не обернулась и лишь ускорила шаг. Тяжело вздохнув, он полез следом, стараясь ступать осторожно и не оскользнуться на мелких камушках и гладких корнях, то тут, то там торчащих из земли.

Через пару сотен метров она всё же упала, но до того, как он успел по-настоящему испугаться, бодро поднялась и продолжила спуск. Джулиан нагнал её у самой дороги.

– А ну остановись! – грозно прикрикнул он.

– Да пошёл ты! – она обернулась и показала ему средний палец, но он увидел не это, а то, что руки у неё изодраны в кровь. – Ты мне не папочка. – В её глазах стояли слезы. – Мне осточертел твой сраный поход, я давно не герлскаут и мне всё это на хер не сдалось!

– Послушай, Синди, – он миролюбиво улыбнулся. – Ты ведь сама сюда приехала, я тебя не неволил.

– Ну и что, сама, но теперь я поняла, что ошиблась, и надо было летать на Гавайи, как предлагала моя мама.

– Ты уже здесь, и вряд ли у меня есть возможность прямо сейчас переместить тебя на Ланаи², согласна? – он осторожно шагнул к ней. – Я понимаю: ты устала, но поверь, са-

² Небольшой гавайский остров эксклюзивного отдыха американских и японских миллионеров.

мое сложное уже позади. Ты огромная молодчина, что прошла так много, но нужно сделать последний рывок и дальше будет легко. Еще полчаса и мы начнём спуск по самому красивому месту, которое только можно представить. На закате мы выйдем к водопаду и горному озеру, ты даже не представляешь какие шикарные фото можно там сделать, – он протянул ей руку. – Идем, Синди. Я провожу тебя, Ирэн волнуется.

Пару мгновений она с недоверием глядела на протянутую ладонь, но вместо того чтобы взяться за неё, отступила, помотала головой.

– Нет! Не надо говорить со мной как с ребёнком, – она утерла глаза тыльной стороной ладоней. – Я совершенно уверена, что хочу поехать домой прямо сейчас и мне плевать на озера, водопады и прочую хрень. Ясно?

– Вполне, Синди, – он опустил руку. – Только вот, я не могу прервать поход только потому, что ты обиделась на меня из-за того, что случилось ночью.

– Остынь, я и не думала на тебя обижаться, – она презрительно изогнула губы. – Кто ты такой, чтобы мне из-за тебя париться? Самый обычный мужлан и отшельник в дешевых штанах с распродажи.

– Рад слышать, что не задел твоих чувств, – он пропустил её оскорбления мимо ушей. – Раз мы это выяснили, тогда пошли назад, и прекращай истерику. Я, как ты правильно заметила, не твой папочка. Отсюда только одна пешая дорога

вниз, и она идет там, – он указал на перевал, видневшийся справа.

– А это что, – она пнула носком ботинка камушек. – Не дорога? Вот же машина стоит, она сюда как-то приехала!

Пикап, который они видели сверху, стоял в паре сотен метров вверх по дороге, и сейчас Джулиан легко узнал его. Машина, как он и думал, принадлежала одному из местных охотников, Бену, которого за умение выпить немереное количество пива прозвали «насос».

– Это автомобильная дорога, – она сделала ударение на слово «автомобильная», – и идти по ней нет никакого смысла: мало того, что ничего красивого не увидеть, так еще и петляет бесконечно.

– Я не собираюсь по ней ходить, меня подвезут эти... – она не закончила и уставилась куда-то за его спину испуганным взглядом. Джулиан обернулся. На дороге стоял Насос – двухметровый небритый детина в рабочем комбинезоне – и, оперев руки в жирные бока, смотрел на них явно недружелюбно. За спиной, на широком кожаном ремне, висело ружье, что делало его вид еще более угрожающим.

– Джулиан, псы тебя задеря, – он смачно сплюнул на землю. – Чем обязан? Решил распугать зверя криками и испортить мне всю охоту? – Джулиан молча глядел на охотника, а тот в свою очередь перевел заинтересованный взгляд на Синди. – А это что за кошечка? Завёл подружку?

– Здравствуйте, сэр. Это ваша машина? – в голосе Синди

появилась неуверенность.

– Да, моя, а что? – Насос сощурил и без того узкие глаза, от чего лицо приняло разбойничье выражение.

– Ничего, классная тачка, – Синди нервно хохотнула.

– Ага, – Насос осклабился. – И сзади места полно, девкам нравится. Не хочешь покататься?

– Нет, спасибо. Простите что помешали, – она схватила Джулиана за рукав и потянула. – Пошли, а то Ирэн волнуется.

Джулиан молча взял её за руку и двинулся в ту сторону, откуда они пришли.

– Эй, красотка, может, останешься и составишь мне компанию? – крикнул вслед им Насос, и Синди крепче сжала ладонь Джулиана. – А ты, Джул, берегись. Винс вернулся и вчера в баре сказал: ты еще пожалеешь, что связался с ним.

Они пошли той же дорогой, поднимаясь по почти отвесному водосливу хватаясь руками за торчащие корни. Синди пристыжено молчала, а у Джулиана не было ни желания, ни настроения говорить ей хоть что-то. Но уже перед самым плато, когда они вышли на относительно пологий спуск и выровняли дыхание, она заглянула ему в лицо и тихо произнесла:

– Извини, я повела себя как дура. Психанула.

– Не парься, – отмахнулся Джулиан. – В горах такое случается, здесь непросто сохранить самообладание.

Синди опустила взгляд и пошла дальше, и он понял, что

конфликт исчерпан, и проблем с ней не будет, в отличие от Винсента. Штраф, который Джул заплатил за моральный ущерб, видно показался избитому охотнику недостаточной компенсацией за унижение. Только вот знать бы чего ждать от мерзавца...

Перед закатом они наткнулись на гризли, небольшой самец, едва увидев их, дал дёру и мгновенно скрылся в буже, но даже этой короткой встречи хватило чтобы все члены группы ощутили радость.

Джулиан часто видел эти перемены, часто даже суровые мужики после таких сафари едва не плакали от счастья. Дикая природа исцеляла душу, пробуждала в неё что-то глубинное, древнее и это приносило истинное счастье. Он знал это не понаслышке. Ведь и сам испытал подобное десять лет назад, когда приехал сюда с изорванной в клочья психикой, спасаясь от безумия, но постепенно пришёл в норму. Сейчас Джулиан старался не вспоминать о жизни до переезда, прошло столько времени, но порой ему казалось, что об осколки снаряда, изрешетившие тело его лучшего друга, до сих пор можно изрезаться. Он работал военным корреспондентом на «Би-Би-Си» и долгое время считал, что вытянул счастливый билет, ведь, в отличие от друзей, живущих более чем скромно, мог позволить себе всё. Но цена роскошной жизни оказалась слишком высока. На одном из заданий террорист смертник бросил в их фургон гранату. Погиб водитель и его лучший друг Чарльз, оператор, сидевший на переднем сидении.

Многие тогда говорили: Джулиану повезло, что его не задело, и он выбрался целым, не понимая насколько ошибаются. Душевнее раны, пускай их и не увидит невооружённым глазом, порой кровоточат сильнее...

Ночь прошла спокойно, а на утро он повел группу назад самой короткой дорогой, хотя мог бы и не торопиться. Тёплая солнечная погода располагала к неспешным прогулкам, но отчего-то на душе было беспокойно. Предупреждение, пускай и брошенное между делом, заставляло Джулиана волноваться. Он не знал что можно ожидать от врага, а интуиция подсказывала: такой как Винс может сделать любую мерзость.

Интуиция не подвела. В доме стояла напряженная тишина, от которой стало не по себе. Джулиан прошел на кухню, хотя понимал, что здесь никого нет, громко позвал Розалин. Ответом было глухое молчание. Он вышел на задний двор и кликнул Курца. Никого.

Пытаясь по памяти набрать номер экономки, он дважды попадал не в те кнопки и, чертыхаясь начинал заново, наконец, ему удалось и Джулиан, приложив телефон к уху, с тревогой слушал долгие гудки на том конце провода. Розы не отвечала. Джулиан набрал еще раз, потом еще. Внутри всё заледенело от страха. Неужели Морро хватило наглости заявиться сюда лично и сделать что-то с Розалин? Беззащитная девушка одна в такой глуши. Джулиана замутило. Он вернулся на кухню, выпил воды из кувшина и уселся на табур-

рет, обхватив руками голову. Тревога не давала ему мыслить здраво, он понимал это и потому пытался успокоиться, делая упражнение на дыхание, которое много лет назад ему посоветовал штатный психолог «Би-Би-Си»: глубокий вдох, задержка и плавный выдох.

Сконцентрировавшись на дыхании, он не сразу понял, что слышит шум снаружи. Вскочив, он бросился на улицу. К воротам подъезжал синий пикап Дэвида. Джулиан кинулся напрямик через газон, не замечая, что топчет едва проклюнувшиеся лилии, которые высаживал прошлой осенью. Машина остановилась, пассажирская дверь распахнулась, и из салона выбралась Розалин. Увидев Джулиана, она замерла и уставилась на него с таким выражением, что он сразу же понял – нужно готовиться к худшему.

– Что случилось? Почему ты уехала? – он не хотел кричать, но голос предательски срывался. – И где Курц?

Рози побледнела и опустила взгляд. Дэвид, выбравшийся из машины, бросил на экономку короткий встревоженный взгляд и сказал:

– Не кричи на неё, она не виновата и ничего не могла сделать.

– Где Курц и что, дьявол вас побери, случилось?! – теперь он обращался к Дэvidу, впившись в лицо друга взглядом.

– С ним всё будет хорошо. Пулю вытащили, она не задела ни одного органа, – Дэвид подошёл вплотную, положил руку ему на плечо. – Не волнуйся, завтра можно будет его забрать.

Врач сказал, что он крепкий и быстро поправится.

– Пулю?.. – Джулиану показалось, что он ослышался. – Ты сказал пулю?

– Да, это было недоразумение и уверяю тебя, Винсент не собирался убивать твоего пса. Всё вышло случайно.

– Винсент Морро?! – его словно ударили под дых сапогом. – Этот ублюдок стрелял в моего пса?!

– Успокойся, – пальцы друга крепче сжались на плече. – Идем на веранду, пока сюда не сбежались твои гости, и я всё расскажу.

Джулиан машинально обернулся на гостевые коттеджи, у третьего, самого ближнего к ним стоял Шон и с любопытством смотрел в их сторону.

– Да, ты прав, – он обмяк и поглядел на Дэвида. – Пойдем внутрь. Рози, – он поглядел на экономку, которая так и стояла у пикапа, словно от страха была не в силах пошевелиться. – Сделай нам чая и сэндвичи. И не волнуйся, я не сержусь, чтобы здесь не произошло – это не твоя вина.

– Да, мистер Джулиан, – она кивнула и бросилась к дому.

Джулиан внимательно выслушал рассказ Дэвида, стараясь держать себя в руках. Утром на ранчо явился Морро, приехал на своем внедорожнике вооруженный до зубов, с ружьем наперевес. Рози вышла к нему, узнать, в чём дело. Он говорил на повышенных тонах и требовал Джулиана. Курц которого Розалин закрыла на кухне, каким-то образом вырвался и бросился на охотника. Это было вполне объяснимо, в про-

шлом году, за неделю до того, как Джулиан избил Винса, у них случилась перепалка в поселке. Волкособ был рядом и наверняка запомнил Морро, память у него была прекрасная. К тому же, на ранчо он ощущал себя на своё территории и бросился на защиту. Морро среагировал мгновенно – вскинул ружье и выстрелил в грозного зверя, а потом запрыгнул в пикап и уехал, даже не попытавшись помочь. Напуганная до смерти Роза позвонила Дэвиду и тот тут же примчался, перевязал рану и отвез Курца к ветеринару.

– И ты хочешь убедить меня, что этот ублюдок не хотел убить моего Курца?! – Джулиан поймал взгляд друга.

– Нет, он защищался, Джул, – Дэвид помотал головой. – Он охотник и, если бы хотел убить – убил.

– Ты его защищаешь? – Джулиан изогнул бровь. – Эту мразь?

– Я лишь хочу, чтобы ты сохранял хладнокровие, Джул. Морро подлец, тут нет никаких сомнений. Он должен был остаться и помочь Розалин, а не трусливо сбегать и должен за это ответить. Но если ты сорвешься и наделаешь глупостей, тогда отвечать придётся тебе, понимаешь?

Джулиан сцепил пальцы на коленях и уставился на них. Первым порывом было сесть в машину, поехать к дому Морро и избить того до полусмерти, но Дэвид прав, если он поступит так, то сядет в тюрьму и мерзавец победит.

– Я встретил в горах Насоса, – медленно проговорил он, не поднимая взгляда. – Он предупредил меня, что Морро

собирается мстить. Так что, можешь не тратить слова понапрасну, тебе не убедить меня что всё это несчастный случай. Он наверняка знал: меня не будет дома и приехал не просто так, но Курц помешал его планам.

– Приехал, чтобы что?! – в голосе Дэвида послышалось отчаяние.

– Не знаю, может он собирался спалить дом пока меня нет, или подсыпать отравы в колодец, – Джулиан расцепил пальцы и поглядел на друга. – Но что бы там ни было, ему это с рук не сойдёт.

– Тебе нужно написать заявление в полицию, Джул, – согласно кивнул Дэвид. – И потребовать с него компенсации. Я дам показания, доктор Робинсон сохранил пулю, и мы сможем...

– Нет, – перебил его Джулиан. – Я разберусь с этим сам.

– Послушай, дружище, – Дэвид нахмурил густые брови. – Это не лучшее решение, надо действовать в рамках закона и...

– Курц наполовину волк, Дэв, – снова перебил Джулиан. – А у Морро есть лицензия на охоту и вряд ли закон будет на моей стороне.

– Нужно хотя бы попробовать, ты ведь наверняка не знаешь.

– Проще поступить иначе и решить всё между нами. Если Морро хочет войну, то я ему её устрою, – он ощущал холодную ярость, пульсирующую в сердце. Все в поселке пре-

красно знали, как он привязан к своему питомцу, и Винсент наверняка хотел ударить побольнее. Ну что же, у него получилось.

– Джул, братишка, так же нельзя! – Дэвид всплеснул руками. – Разве не потому ты перебрался сюда, что хотел оставить всё в прошлом, понимая всю бессмысленность насилия? Разве не ты говорил мне, что война превращает даже самых гуманных людей в жестоких чудовищ, проявляющих худшее, что заложено в природе человеческой?..

Но Джулиан едва ли его услышал, мысли его были полностью заняты планами мести.

Кленовый лист, поднятый порывом ветра, ударился о лобовое стекло его внедорожника, и Джулиан испуганно вздрогнул. Кажется, он задремал в неудобной позе, и теперь шея болела так, словно его избивали бамбуковыми палками. Он устало потёр глаза и поглядел на двухэтажный коттедж с зеленой крышей. Ничего не изменилось: в кухне по-прежнему горел свет, а рыжеволосая девчонка – тощая как её мерзкий папаша – сутилась вокруг плиты. Джулиан тяжело вздохнул и поглядел на лист. Кажется, еще недавно клены пугливо дрожали на ветру нежно салатовой зеленью, и вот уже сбрасывают багряную листву, готовясь к зиме. Всецело погрузившись в развязанную им же «войну», он и не заметил, как пролетело лето. Да что там лето, всё, кроме жгучей ненависти, огненным шаром разгоревшейся в серд-

це, потеряло для него смысл. Ранчо стояло в запустении, заросшее сорной травой и крапивой, и осенний ветер разносил по округе кислый запах гари – последнее напоминание о сарае, что пал от руки Винсента августовским вечером. Впрочем, как и остальное: поцарапанная дверь пикапа; матерное слово прямо на вывеске с рекламой его ранчо на дороге; кучи дерьма чудесным образом появляющиеся поблизости от его коттеджа; Розалин, уволившаяся в начале лета из-за того, что её сына травил в школе дети приятелей Морро; десятки негодующих отзывов с фейковых аккаунтов на сайте, всё было обставлено так, словно не имело прямого отношения к Винсу. Но и Джулиану было чем похвастаться: проколотые шины охотничьего пикапа, битые стекла на подъездной дорожке, испорченная садовая мебель,дохлый барсук в бассейне дома Морро и осиное гнездо, которое он закинул в кузов машины Винса, после того как тот спалил ему сарай. Он надеялся, что сотня разозлившихся ос, вырвавшихся на свободу, стоило открыть крышку, доставили мерзавцу особенно неприятные минуты. Но всё это было мелочью, по сравнению с тем, что он задумал. После случая с осами Винс приехал к его дому, пока Джулиана не было, и швырнул ему в окно камень. Морро покусился на его жилище и это нельзя было оставить без ответа. Теперь он следил за домом Морро и искал возможность проникнуть внутрь. Сидел в засаде третий день, но до сих пор так и не придумал, как попасть туда незамеченным.

Винсент жил с дочерью подростком. От Дэйва он знал, что жена Морро пару лет назад сбежала в США с молодым продавцом машин, оставив ему на попечение Лию – рыжеволосую тринадцатилетнюю дочь. Девчонка была со странностями, целыми днями сидела дома, и потому забраться в жилище Морро оказалось не так просто. Он мог бы последовать примеру самого Морро: найти камень побольше и пухнуть в окно первого этажа, но не хотел пугать девчонку. Каким бы ни был её отец – она ни в чём не виновата и не должна страдать за его грехи. Потому, Джулиан ждал удачного момента, когда в доме не останется никого, и он сможет беспрепятственно пробраться внутрь через хлипкую заднюю дверь и ... Что он будет дальше, Джулиан не знал, но собирался, как следует припугнуть Морро. Пускай знает – у него крепкие яйца.

На улице совсем стемнело, а у Джулиана с самого утра во рту не было ни крошки. Он всегда отличался худобой, а с этой «войной» так и вообще забывал есть, и превратился в живой скелет. Дэвид, когда они виделись в последний раз, с осуждением поглядел на него и снова попытался воззвать к здравому смыслу. Мысли о Дэвиде вызвали знакомую горечь невосполнимой утраты. Потеряв друга, Джулиан понял насколько ценил его. Обида жгла сердце. Ведь лучший друг должен был понять. Морро перешёл черту, он сам виноват во всем, что сейчас происходит. А все эти мудрости вроде: «Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы

самому при этом не стать чудовищем. И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя»³ хороши лишь с кафедры философии. В реальной жизни от них мало толку. К тому же Джулиан считал Ницше лицемером, не он ли призывал забывать уроки истории и возвышаться над «пустынным потоком бытия», и не его ли провозгласили своими идеологом нацисты?..

– Дьявол, надо позвонить Дэву, – вслух произнес Джулиан и сам испугался звука своего голоса – хриплый, точно у заядлого курильщика.

Он порылся в бардачке, отыскал леденцы от кашля и сунул в рот сразу два. Нужно было заняться тепловым котлом на ранчо – он поломался в начале лета – но вместо этого Джулиан вынашивал планы мести и ночевал в ледяной постели, из-за чего постоянно кашлял.

«Так и воспаление легких подхватить можно», подумал он, но тут же отогнал эти мысли. Сейчас главное пробраться в дом Морро, а всё остальное подождёт.

Дочь Морро тем временем уселась ужинать. Винсента не будет еще пару дней – уехал в Ванкувер по делам – и Джулиан надеялся: девчонка изменит своим привычкам и хотя бы сегодня уйдет из дома. Но, кажется, она никуда не собиралась: расставила приборы, налила сока в стакан, зажгла свечи. Чудная девочка, похоже, такая же сумасшедшая как её папаша – ест каждый вечер при свечах, читает книги в

³ «По ту сторону добра и зла» Фридрих Ницше

бумажных обложках, ложится спать до полуночи, убирается каждый день, как ненормальная, и никогда не выходит из дома. Кажется, это называлось агорафобия, жуткая штука, если подумать – иррациональный ужас перед миром, который невозможно контролировать.

Нужно уезжать. Он зря тратит здесь время. Лучше выспаться, а завтра с утра заняться чертовым котлом, почистить контакты, посмотреть тэны... Он уже потянулся к ключу зажигания, но в последнюю секунду рука легла на колено. Нет, нельзя. Если он никак не ответит на выходку Морро, то тот решит, что победил, подумает: Джулиан слабак. Десять лет кровью и потом он доказывал всему миру, что может всё и не позволит какому-то болвану с ружьём утверждать обратное!

В животе было пусто и видимо от голода сосало под ложечкой. Джулиан с тоской посмотрел на приветливо светящиеся окна дома Морро. Девчонка ела, низко склонившись над тарелкой. Сейчас Джулиан отдал бы многое за пару ложек горячей домашней пищи.

Его Ева делала божественную курицу с чесноком, пряными травами и сливочным соусом. Она подавала её с хрустящим багетом из французской пекарни, и не было ничего лучше, чем макать кусок мякиша в густую сливочную подливу. Рот против воли наполнился слюной, и Джулиан сглотнул. Он был голоден как дворовый пес, зубы стучали от холода, а в голове помутилось от простуды. Почему он не додумал-

ся взять из дома хотя бы пару сэндвичей? Ах, да, их не из чего сделать – последнюю банку арахисового масла он доел еще позавчера, и с тех пор так и не выбрался за продуктами, проводя всё свободное время у дома Морро.

Девчонка вскочила и неловко взмахнув рукой сбила подсвечник, но вместо того чтобы наклониться и поднять его принялась топтаться на месте и нелепо бить себя в грудь ладонями. Джулиан насторожился. Что там, черт побери, происходит? Он взял с соседнего сидения бинокль и приложил к глазам. Лия Морро, обычно светлокожая, покрылась красными пятнами, выпучила глаза и била себя в грудь, а потом принялась судорожно хватиться за горло.

– Твою мать!

Он всё понял и, не раздумывая, бросился к дому врага. Калитка была заперта, но Джулиан подтянулся на руках, легко перемахнул через забор и побежал к той самой задней двери, через которую намеревался проникнуть внутрь. Он поддалась с первого удара плечом. Джулиан влетел в дом, наугад выбирая направление. Где-то на задворках сознания пойманной птицей билась мысль: «Если меня тут поймают, то наверняка посадят за незаконное проникновение», но сейчас это было неважно.

Он ворвался на кухню и замер. Лиа, выпучив глаза, скребла скрученными, словно в припадке пальцами, по горлу, оставляя на нём алые следы.

– Я помогу, – он шагнул к ней и обхватил руками сзади,

точно собирался крепко обнять.

Приём Геймлиха⁴, их учили этому на курсах оказания первой помощи. Девочка не сопротивлялась, напротив обмякла в его руках точно тряпичная кукла – легкая словно перышко. Она пахла как младенец: молоком и присыпкой, да и наощупь казалась маленькой и беззащитной. Сейчас Джулиан не думал о том, что она похожа на отца, а лишь о том, как спасти её. Нажатие, еще одно, наконец, что-то вылетело из её горла, и Лиа судорожно с хрипом вдохнула, а потом закашлялась. Джулиан отпустил её и отступил. Прокашлявшись, она подняла на него глаза полные слез.

– Вы кто такой, мистер? И как вы сюда попали? – голос у неё был слабый, и в нем явно слышался испуг.

– Я был поблизости и случайно увидел в окно... У тебя занавески не задернуты... – Джулиан умолк понимая, как неубедительно выглядит: небритый, в грязной рабочей куртке, с бейсболкой низко надвинутой на глаза. В детективных сериалах, таких как он, изображали грабителями и насильниками. Если девочка вызовет копов, то ему не поздоровится. Все знают о его вражде с Морро, и его проникновение в дом будет выглядеть неприглядно.

– Вы спасли мне жизнь, мистер, – она шмыгнула носом и вдруг расплакалась. – Спасибо вам!

⁴ Толчки в живот, также известные как приём Геймлиха или манёвр Геймлиха (немецкое произношение: [ˈhaɪmlɪç -]) – процедура первой помощи, используемая для устранения (лечения) закупорки верхних дыхательных путей (или удушья) посторонними предметами.

– Хочешь я вызову скорую? – он совсем растерялся, не зная что делать: уйти или остаться и попробовать её успокоить.

Лия помотала головой и улыбнулась ему:

– Нет, я просто испугалась. Папа уехал в Ванкувер, и, если бы не вы... – слезы лились из её глаз, точно где-то прорвало плотину. – Бог не оставил меня, – она порывисто вытащила крестик, висевший на цепочке под одежной и поцеловала его. – Вы были поблизости, и он послал вас! Я всегда говорила отцу: Бог добр, и заботиться о каждом из нас, а он не верил. Отец говорит: Бога нет. У него нет веры и потому он делает все эти гадкие вещи, достает того человека с медвежьего ранчо. А тот, в ответ, портит нашу мебель и подбрасывает пчел в багажник. Неужели два взрослых не могут договориться словами и не вести себя как мальчишки?! – она смотрела на Джулиана, своими огромными светлыми глазами и ему вдруг стало стыдно.

Девчонка права: они ведут себя глупо, как неразумные дети и никогда не остановятся если, хотя бы один из них, не одумается. Во что он превратился? Чем он занимался последние пару месяцев? Его бизнес, дело его жизни катится в пропасть, а он, вместо того чтобы спасти его, строит каверзы Морро, грубит лучшему другу и следит за подростком, точно больной извращенец.

– Прости, мне нужно идти, – он попятился, на ходу шаря по карманам. – Вот, это за дверь... я там замок поломал, – он

вытащил двадцатку и положил на стол, а потом повернулся и со всех ног бросился прочь.

– Мистер, как вас зовут? – крикнула вслед Лиа, но он лишь ускорил шаг.

Оказавшись на улице, Джулиан бегом бросился к машине, завел двигатель, нажал на газ, надеясь, что Лии не хватит сообразительности запомнить его номер. Последнее, что он хотел, чтобы Винсент, вернувшись, узнал о его «подвиге» и подал на него заявление в полицию.

По дороге на ранчо он заехал в продуктовую лавку, еле успев до закрытия, и купил замороженной еды и десяток яиц. Поужинав в заледеневшем без отопления доме, он забрался под одеяло и, впервые за последние месяцы, спокойно уснул, не думая ни о чём, а утром, первым делом, занялся котлом. Всё оказалось не так уж и плохо, замкнуло проводку и после небольшого ремонта в доме появилось тепло и горячая вода.

Курц, почуяв настроение хозяина, радостно крутился под ногами. Сбритая ветеринаром шерсть на боку, куда угодила пуля Морро, отросла, и теперь он выглядел как раньше – мохнатый и жизнелюбивый. В отличие от него, волкособ быстро забыл обиду и не стал злобным или пугливым.

После завтрака Джулиан впервые с весны взял ежедневник и принялся записывать список срочных дел на ближайшую неделю: постричь лужайку, заготовить дров, проверить крыши, чтобы осенние дожди не стали неприятным сюрпризом, а еще позвонить Дэвиду. Следовало извиниться перед

ним, пускай это и не вернет дружбу, но Джулиан хотя бы не будет чувствовать себя трусом.

Он ослеп в желании доказать что-то человеку, мнение которого ему было неважно, что совершенно упустил из виду как выглядит в глазах Дэвида и Розалин. Но еще важнее, как выглядит в собственных глазах.

Дэвид приехал в конце недели, хотя Джулиан не ждал его. День выдался теплым и ветреным. Они, как делали это до ссоры, уселись в плетеные кресла на веранде с чашками дымящегося кофе и некоторое время молча смотрели на реку. Лето выдалось сухим – река сильно обмелела, обнажив крупные валуны и опасные острые камни, те самые, что в половодье доставляли проблемы на рафтинге.

– Помнишь, три года назад, на том пороге, мы пропоролы мою лучшую лодку? – Джулиан несмело улыбнулся. Дэвид принял его извинения и уверял что всё в прошлом, но он ощущал неловкость.

– Да, и промокли насквозь, – рассмеялся Дэвид. – Хотя тогда мне было не смешно, честно, я думал мы с тобой покойники и не выберемся.

– Хорошо, что там была эта сосна, – Джулиан зябко повел плечами, вспоминая, как из последних сил цеплялся за колючие ветки, которые обламывались под пальцами, и с трудом выбрался на тонкий ствол. А потом, преодолевая боль в задеревеневших от холода мышцах, вытащил и Дэвида, хотя

это казалось невозможным.

– Хорошо, что там был ты, Джул, – Дэвид встретился с ним взглядом. – Если бы не ты, я погиб.

Джулиан вздрогнул, вспомнив, что недавно те же слова ему говорила Лиа Морро. Её отец давно вернулся из Ванкувера, Джулиан знал это от завсегдатаев в баре в поселке. Первые Дни Джул опасливо ждал, что тот заявится с полицией и заявлением, но тот так и не появился. Видимо, девочка не рассмотрела его машину в темноте и не запомнила номера, а может и вообще ничего не рассказывала отцу, чтобы не пугать. В любом случае, для себя он решил: больше не станет делать ничего, чтобы задеть Морро, да и тот вроде бы успокоился.

– Я должен кое-что тебе рассказать, – Джулиан развернулся к другу и поймал его встревоженный взгляд. – Это касается дочери Морро.

Дэвид заметно напрягся, но выслушал его, не перебивая.

– Может она и права, брат, – он неожиданно тепло улыбнулся. – Сам Бог направил тебя туда, чтоб спасти ей жизнь. Ты всё сделал правильно, у тебя не было иного выхода, так что, если дело дойдет до суда – уверен, никто тебя не осудит.

– А может для того чтобы я наконец прозрел и увидел, как глупо веду себя с её отцом. Ты был прав, мне следовало еще весной написать заявление, или попытаться поговорить с ним, вместо того чтобы заниматься ерундой.

– Ты знаешь, а я ведь говорил с ним пару недель назад, –

Дэвид поставил кружку с недопитым чаем на столик. – Пытался вразумить. После того сарая я всерьез испугался за тебя. Это не шутки – огонь убивает, особенно тут, в глуши, где нет ни одной пожарной команды на десятки километров вокруг.

– Но он послал тебя? – Джулиан усмехнулся.

– Нет, – он покачал головой. – Напротив, мы славно поговорили, и он уверил, что не имеет никакого отношения к поджогу.

– Соврал, разумеется, – хмыкнул Джулиан. – Зачем бы ему признаваться в том, за что можно получить реальный штраф.

– Может и так, а может нет, и это случайность? – Дэвид пристально смотрел на него, чуть наклонив голову к плечу. – Ведь он не стал отрицать, что испортил твой баннер и подбрасывал к твоему дому звериное дерьмо.

– Сейчас всё это уже не имеет значения, – отмахнулся Джулиан, он и сам не был уверен, что за поджогом стоит Морро, а не дырявая крыша, старая проводка и короткое замыкание после дождя. – Я не собираюсь больше делать ничего безумного и пытаться что-то ему доказывать. Если в огонь вражды не подбрасывать дров, то он, в конце концов, потухнет.

– Всё так, Джул, но мне кажется, будет правильным встретиться с ним и поговорить.

Джулиан собирался резко возразить, но промолчал и за-

думался, а может в словах друга есть смысл?..

В сумрачном помещении пахло пивом, жареным арахисом и подгоревшим маслом. Джулиан поморщился, но шагнул внутрь, стряхивая с крутки капли дождя, снял капюшон, а потом и саму куртку. После промозглой сырости ненастного октябрьского дня внутри ему показалось душно и слишком натоплено, хотя он прекрасно знал: Николас, хозяин бара – его плешивая голова возвышалась над стойкой – тот ещё скопидом и не вряд ли стал бы топить помещение чрезмерно. Он потоптался у дверей, отряхивая налипшие на сапоги листья и комья грязи, прокашлялся и направился прямым ходом к стойке. Тот, ради кого он приехал, сидел там, спиной к нему и, хотя не мог не услышать вошедшего, даже не обернулся. Дурной знак. Всё же не стоило ему сюда являться. Другие посетители – их было немного – косились с неодобрением. В бар Ника ходили в основном охотники и Джула тут, ясное дело, не любила, особенно после того как он, послушав совета Дэвида, принялся писать письма во всевозможные инстанции чтобы добиться полного запрета охоты. Правда Лэнс, полноватый и вечно небритый хозяин единственного в округе трактора, вяло махнул ему рукой, и Джулиан приветливо кивнул в ответ.

Он уселся на табурет подле Морро. Тот пил пиво. Высокий стакан, запотевший от ледяного напитка был покрыт бисеринками, влага стекала вниз, образуя на бумажной под-

ставке темное пятно.

– Что будешь, Джул? – Ник отложил салфетку, которой протирает стаканы, но с таким видом, точно делает большое одолжение.

– Кофе есть?

Ник недовольно скривился, но кивнул и скрылся за крохотной дверкой, где у него располагалась кухонька.

– Привет, Джулиан, – Морро крутанулся на табурете и повернулся к нему лицом. С их последней встречи он кажется ещё больше набрал вес, а белое лицо, стало выглядеть рыхлым, точно подтаивающий на солнце снег. – Не думал, что ты явишься. Купер уверял что у тебя кишка тонка.

– Если продолжишь в том же духе, то снова закончишь в больнице, – угроза прозвучала совершенно недвусмысленно, но Морро лишь криво усмехнулся в рыжие усы, поднял белые с красными прожилками ладони.

– Я тут не при чём, так что не заводись. Хочешь сорвать злость Купер там, – он сделал неопределённый жест указывая себе за спину. – А я пришёл поговорить, а не драться.

Джулиан вспомнил дочь Морро: такие же светлые глаза, как у отца, запах молока и присыпки, мягкое прикосновение губ к его щеке и ярость, начавшая закипать было в животе, отступила.

– Ну что же, давай поговорим, – Ник появился из подсобки и поставил перед Джулианом чашку черного кофе, пахло недурно, хотя и выглядело точно смола.

Морро плотно сжал губы, взялся за пивной бокал, но лишь покрутил и оставил в покое. Было видно: он хочет что-то сказать, но никак не решается. Сделать первый шаг к примирению всегда непросто, особенно когда вражда зашла так далеко, но Винсент пересилил себя и сказал миролюбиво:

– Прости за пса, Джул, я не хотел его покалечить.

– Принимается, – ответил Джулиан и кажется впервые со знакомства с этим человеком искренне ему улыбнулся.